

На севере от дворов находилась околица. У ее края из Ершовки в Незнань проходил шлях – широкая песчаная дорога. Слева от шляха, недалеко от Худобокиных, находились конюшни и амбары. Далее располагалось панское конское кладбище в виде невысоких осин и, наконец, могучие липы, а затем береза, которые росли в сторону Незнани. По легенде, рассказываемой местными жителями, эти деревья были посажены по приказу Екатерины II.

Лето 1941 года. Жара прекрасна для хлеба, тогда был небывалый урожай. Нам рассказывали, как через деревню тогда понуро шли советские части. На мокрых от пота лошадях, на телегах везли раненых бойцов. Женщины поили солдат молоком, водой, давали хлеб, сало и бульбу, тогда наступали немцы.

Старые жители рассказывали такую историю, что в сорок первом году от деревни бежали с винтовками два красноармейца, на ходу закусывая яйцами. Они спрятались за липами. Вскоре на околице на мотоцикле появилась немецкая разведка. Раздались выстрелы и вопли на немецком языке. Красноармейцы выбросили из машины трупы немцев и уехали на мотоциклах на восток.

Вскоре вся околица была забита немецкой техникой – танками, мотоциклами, самоходками, ствольной артиллерией – которая вела на Москву, параллельно шоссе Минск – Москва и железнодорожной ветке, идущей на восток.

В семидесятых годах, когда образовался совхоз «Климовичский», начали расширять пахотные земли.

Отдельные деревья и кустарники начали выкорчевывать мощными бульдозерами. Лес вокруг высокого дуба был срезан, обнажилась почва. Но могучий дуб не могли вырвать даже несколько тракторов. Продолжать тогда эту затею отказались. Когда я приехал позднее хоронить маму, то на месте этого леса я увидел одинокий засохший дуб, вокруг которого выросла густая новая поросль. Я выкопал маленькие дубки на окраине леса и привез их в Кемерово. Теперь у меня в Воскресенске растут три белорусских дуба. На вершине высокого засохшего дуба по-прежнему отдыхает красавец коршун.

Помню также, на север от леса, за дорогой, в сторону шоссе и железнодорожной ветки находилось болото, покрытое кустарником и высокими деревьями. Это место называлось Гузовщиной.

Сюда мама бегала с мешком рвать кувшинки, мама называла их петушками, для свиней. Она их рубила в корыте и вместе с картошкой и несколькими кружками комбикорма, который появился позже, скармливала хрюшкам. Траву на Гузовщине косили коровам. Трава была высокая и широкая, типа осоки.

В сторону Гусарки, за огородами, была первая Дубровка, потом был стометровый песчаный промежуток, который после засеяли молодыми соснами, и далее располагалась вторая Дубровка, идущая до самой деревни. Школа появлялась у самого выхода из этого леса. Расстояние от деревни Буховки до Гусарки четыре километра. Я ходил больше других. Школа была в другой стороне.

Справа от первой Дубровки и слева от дороги на Ерашовку находился луг с отдельными кустами. На нем косили траву и заготавливали стога для колхозного (совхозного) скота.

Траву косили старшие ребята и женщины косами. Мы, ребята, мелюзга, помогали свозить сено к стогам. На отаве паслись кони, коровы.

В сторону Свирели и Климович, за домом Олимпиады, у нее была дочь Соня – это повитуха Володи, находился лес длиной 1–1,5 км, потом вдоль дороги располагались дубы, под ними осенью было много желудей. Справа от дороги